

Фернандо Крус
Улыбка акулы

«Автор»

2026

Фернандо Крус

Улыбка акулы / Фернандо Крус — «Автор», 2026

Метроном отсчитывал его шаги... Один удар — одна мачта, Один удар — одна секунда его жизни! Мачты улетали за борт, как гильзы, выброшенные из револьвера... Он танцевал — Корабль поднимался выше, к облакам В его голове зазвучали последние слова: «Bésame, bésame mucho» Конец — Берег...

© Фернандо Крус, 2026

© Автор, 2026

Фернандо Крус

Улыбка акулы

Роман.

Улыбка акулы.

Пролог.

Птичий полёт .

Высоко-высоко, там, где воздух уже не пахнет землёй, а только бесконечной синевой свободного неба--- с высоты птичьего полета открывается общий план.

Внизу --- Куба. Джунгли, густые, зелёные, насыщенные, как бархат, как живая ткань, которая дышит и переливается. Они уходят вдаль, до самого горизонта, где небо встречается с океаном как мать встречает сына после похода в море.

Сквозь эту зелень, как тонкая нить, вьётся дорога. Она красная, как старая глина, как пыль, которая поднимается за колёсами маленького грузовичка, едва заметного с такой высоты.

Он медленно движется по извилистой дороге. Где-то глубоко в джунглях, среди пальм и лиан, плавно покачиваясь из стороны в сторону также как мать укачивает своё дитя прежде чем оно увидит сказочный сон... , он кажется игрушечным, крошечным, почти нереальным как наши мечты и сны... .

С вершины горы над джунглями спускается лёгкий туман. Он не густой --- прозрачный, мягкий, он окутывает верхушки деревьев, создавая ровную, спокойную атмосферу. Он не скрывает, а уравнивает, как тишина перед началом красивой мелодии... .

Левое колесо сильно подпрыгнуло, путник перевёл взгляд и сквозь редкие просветы в зелени начинает проглядывать океан. Он тихий, бесконечный, мудрый. Его поверхность переливается на закате, как живое зеркало, в котором каждый может постараться увидеть свою судьбу...

Дорога спускается сверху вниз --- к берегу, к уединенной таверне, которая стоит на самом краю земли, там, где джунгли уступают место песку, воде и мечтам.

Грузовичок медленно подъезжает к ней. Останавливается. Но красная пыль лёгкая и прекрасная продолжает двигаться дальше, обгоняя грузовик. И создаётся впечатление, что время остановилось где-то в этом месте...

На мгновение --- тишина. Только шум океана вдалеке и лёгкий ветер в листьях.

Дверца открывается.

Из грузовичка выходит человек. Он одет в чёрный, бархатный костюм, который сидит на нём идеально, как будто сшит специально для этого вечера. Он не торопится....

Он закрывает дверцу, поправляет гитару на плече.

На его ногах --- чёрные, лаковые туфли. Идеальные, блестящие, как зеркало. Он делает шаг вперёд, и туфли ступают на красную землю.

Контраст --- чёрный бархат и красная глина, блестящий лак и пыль, элегантность и дикость --- выглядит бесподобно.

Он поднимает голову, смотрит на таверну, на вывеску из старой корабельной доски, на обезьяну, сидящую на крыше, и на океан, который уже начинает засыпать, чтобы увидеть красивые истории, хранящиеся в его глубинах...

Он улыбается. Тихо. Просто для себя.

Он остановился.

Не потому что устал. Не потому что раздумывал. А потому что внутри, где-то в самой глубине его создания прозвучала мелодия, тихая и нежная как вечерний лёгкий ветер. Мелодия говорила ему...

«Не спеши. Послушай ритм этого места».

Он замер. Гитара на плече чуть качнулась как крыло чайки от нежного дуновения ветра. Его чёрные туфли застыли на красной земле, они захотели остаться здесь навечно как на фотографии, сделанной незнакомцем много лет назад...

Он поднял голову и посмотрел в окно таверны. Окно было открыто настежь, и туда, в вечерний свет, врвался ветер. Занавеска колыхалась, как парус.

И в этом проёме он увидел её.

Это была девушка, молодая, прекрасная. Она стояла у окна и расчёсывала волосы, её руки поднимались вверх так грациозно и плавно. Это было похоже на крылья чайки, которая приветствует солнце. Её длинные тёмные волосы с медными отсветами ловили последние лучи заката. Ветер играл с ними, поднимал, развивал, как будто сам океан хотел коснуться её.

Она двигалась медленно, плавно, как будто не замечала никого вокруг. В её жестах была такая грация, что казалось --- она не в таверне, не на берегу, а где-то на красивом корабле, который уходит вдаль, к прекрасным странам.

Она была как видение. Как образ, который приходит только на мгновение и исчезает.

Парень стоял, не двигаясь, не дыша, и смотрел на неё. Гитара на его плече казалась лёгкой, как перо.

Игра без проигравших...

Рядом с входом, на деревянной террасе, стоял мужчина в широкополой шляпе. Брутальный, мощный, как скала. Он курил сигару, и дым от неё мягко поднимался вверх и, упираясь в большие поля шляпы, плавно расходился по сторонам, как волна в тихую погоду огибаёт большой камень. Он смотрел в сторону океана. Лица его не было видно, но руки, загорелые, мускулистые, со старым шрамом у запястья, притягивали взгляд.

А в стороне, под пальмой, за шахматным столиком сидел пожилой афроамериканец в соломенной шляпе. Напротив него --- обезьяна с красной повязкой на голове. Она сидела с серьёзным видом, задумчиво чесала ухо и делала вид, что играет в шахматы.

Музыкант остановился, заулыбался. Подошёл ближе.

--- Добрый день. Извините за беспокойство. Вы не подскажете, здесь можно снять номер?

Старик медленно поднял голову, посмотрел сквозь поля шляпы и улыбнулся.

--- Можно. Только не торопись. Здесь никто никуда не спешит. Зайди внутрь, спроси Игнасио.

Он кивнул на обезьяну:

--- И будь осторожен с моим другом. Она выигрывает уже третий раз подряд. Я подозреваю, что она жульничает.

Обезьяна перевела взгляд на музыканта и медленно, важно кивнула, подтверждая: да, жульничает, но вы ничего не докажете.

Парень улыбнулся.

--- Меня зовут Алехандро.

--- Бенни. Бенни Грей. Местный бездельник.

--- А почему вы играете с обезьянкой? --- спросил Алехандро.

Бенни усмехнулся:

--- Она не умеет играть. Но она убеждена, что умеет. И нам с ней весело. Семь лет уже. Она знает, что я подыгрываю, но делает вид, что не замечает.

Роза, услышав своё имя, повернулась к музыканту, посмотрела с лёгким прищуром и снова уставилась на доску.

Алехандро улыбнулся:

--- Может быть, когда-нибудь я спущусь и сыграю с вами пару партий.

Бенни кивнул:

--- Мы открыты для новых противников. Правда, Роза?

Обезьяна одобрительно закивала, чуть не сбив повязку.

Тёплое дерево створок души... .

Алехандро перешагнул порог. Он вошёл в холл таверны и остановился у стойки на секунду. Вдруг окно резко распахнулось от ветра, и голубые длинные занавески затанцевали у него над головой, как паруса, маня за собой... .

Он опустил глаза вниз, стойка из красного дерева. Тёмного, благородного, с резными узорами. Каждая линия была выточена с любовью настоящим мастером.

На стенах висели старые карты и фотографии. В углу стоял пыльный барометр. Всё дышало историей.

Из боковой двери вышел Игнасио. Он вытирал руки о полотенце. Вместо приветствия он поднёс палец к губам --- жест, означавший: «Тишина. Меньше слов. Здесь так принято».

Алехандро понял и кивнул.

Игнасио протянул ему старые ключи на потёртом кольце и показал на лестницу. Деньги потом, всё потом.

Алехандро взял ключи, тихо сказал «Спасибо» и направился к лестнице.

Ступени были покрыты зелёным сукном --- мягким, тёплым, как бархат. Каждая вторая ступенька тихо скрипела, приветствуя шаги. Запах старой ткани, дерева и моря поднимался вверх.

На втором этаже дверь оказалась не заперта. Алехандро открыл её и замер.

Комната была залита светом от заката. Солнечные лучи проникали через распахнутое окно, ложились золотом на пол, на кровать, на книги. Морской воздух врвался внутрь, смешиваясь с ароматом кофе, поднимающимся снизу, из таверны.

Алехандро подошёл к окну. Уперевшись руками в тёплое дерево створок окна, он смотрел, как океан лежал перед ним, прекрасный, глубокий, готовящийся к ночи.

В небе, высоко-высоко, парила чайка. Она ловила последние лучи заката на своих белых крыльях. Каждое её движение было исполнено лёгкости и покоя.

Алехандро смотрел на неё и вдруг почувствовал что-то давно забытое. Чувство детства. Чистого, лёгкого, без тревог. Свободу, которая не требует объяснений.

Он улыбнулся и тихо произнёс:

--- Buenas noches.

Чайка слегка качнула крылом, развернулась и улетела в сторону горизонта.

Алехандро остался у окна, вдыхая вечерний воздух. Он знал, что этот вечер уже стал частью его. Частью истории, которую он ещё даже не начал рассказывать.

Часть первая.

Читая роман закрытыми глазами...

Солнце уже давно село. Таверна наполнилась светом гирлянд, запахом рома и жареного мяса. Рыбаки, пираты, торговцы, старики — все сидели за своими столиками, говорили негромко, смеялись сдержанно. Было спокойно. Был тот самый вечер, который не требует слов.

Алехандро спустился в зал. Он не смотрел по сторонам. Он знал, что делать.

Он сел на стул, поставил гитару на колени. И замер на мгновение.

Его взгляд упал в угол. Там стоял старый стул. Пустой. Никто не садился на него. Никто не занимал.

Алехандро смотрел на него дольше, чем нужно. Потом опустил глаза к струнам. Коснулся их пальцами.

И начал петь... Глаза его были закрыты, когда он пел, и создавалось впечатление, как будто он читает какой-то прекрасный роман... этими закрытыми глазами.

Первые аккорды «Bésame Mucho» поплыли по таверне. Они были негромкими, но плотными, как тёплый ветер перед штормом. Они ложились на дерево стен, на старые доски, на лица людей.

Народ был занят своими делами. Рыбаки жевали хлеб. Пираты доливали ром. Туристы переговаривались.

Но когда Алехандро произнёс первые слова песни — всё изменилось.

«Bésame, bésame mucho...»

Эти слова повисли в воздухе.

Рыбаки перестали жевать. Торговцы замолчали на полуслове. Пираты опустили стаканы. В таверне стало тихо.

В углу за столиком, где сидели опытные моряки, один из них, самый старый, с седой бородой, кивнул в сторону пустого стула и сказал негромко:

— Он всё смотрит на этот стул. Странно. Там никто не сидит уже много лет.

Другой ничего не ответил. Они оба знали — туда не садятся. И не спрашивают.

Сантьяго по прозвищу Кубинский ястреб был одним из самых опасных пиратов Карибского моря.

Сантьяго сидел за главным столом. Он не хотел пить и разговаривать. Он смотрел перед собой. И когда гитара зазвучала — его пальцы сжали стакан очень сильно...

Голос певца ещё не вступил. Только струны. Только мелодия. Но она уже проходила сквозь него, как удар тёплой волны. Она пронзила его насквозь, прошла сквозь грудь, сквозь шрамы, сквозь годы злости и боли, и оставила там, внутри, дрожащую струну...

С той секунды он перестал контролировать себя.

Он начал подниматься. Медленно. Как будто его тело поднимала невидимая сила. Плечи распрямились. Голова поднялась. Ноги сами сделали шаг.

Музыка вела его к себе...

Первый столб, который подпирал крышу, остался позади. Он прислонился к нему плечом, задержался на мгновение — и сделал шаг дальше, не торопясь, с каким-то своим неведомым никому ритмом.

Его плечо мощное кинуло якорь, как огромный корабль, у второго столба.

Туман, спустившийся с вершин холмов, начал подниматься из щелей пола, как живой. Он подползал к ногам Сантьяго, окутывал его сапоги, поднимался выше. Белый, плотный, дышащий.

Сантьяго шёл. Третий столб.

Он остановился у него. Его руки, покрытые шрамами, висели неподвижно. Он смотрел на сцену.

Голос певца вступил. Сильный. Свободный. Томный.

«Bésame, bésame mucho...»

Сантьяго замер.

И тогда он увидел его.

Красный галстук, украшающий шею Алехандро. Тонкая струйка, расширяющаяся книзу. Он висел на шее певца, как кровавый след. Как предупреждение.

Сантьяго смотрел и не мог отвести взгляд. Этот образ врезался в его память, как удар ножом.

Он чувствовал: это останется с ним навсегда.

Альваро стоял за стойкой. Он видел всё. Как Сантьяго шёл от столба к столбу. Как туман поднимался. Как он замер у последнего.

Он ничего не сказал. Он просто смотрел.

Он знал, что такие люди не останавливаются. Они идут до конца. Или уходят.

Он перевёл взгляд на свою правую руку, скрытую чёрной перчаткой. И снова посмотрел на Сантьяго.

У каждого своя перчатка.

И в этот момент в таверну ворвался посторонний человек, громкий и потный. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел произнести ни звука.

Мгновенная реакция бандитов. Пистолеты смотрели в его голову. Рикардо сказал негромко:

— Сядь. Пожалуйста... И не болтай.

Человек побледнел. Он оглянулся на зал — все, кто находился в зале, были очень задумчивы, кто-то наклонил голову, опершись на руку. Некоторые закинули голову назад. Эта музыка и особенно голос закрались в душу каждого, даже к тому, кто считал, что продал её... Он медленно опустился на стул, сжался, опустил голову. Он не произнёс больше ни слова.

Пистолеты опустились.

Сантьяго не обернулся. Он не заметил этой сцены. Его мир был там, где звучала музыка. Всё остальное перестало существовать.

И в этот момент с джунглей начал спускаться туман.

Он шёл медленно, как живой — плотный, белый, влажный. Он стелился по земле, огибал пальмы, пробирался сквозь щели в стенах. Он входил внутрь, как змея — бесшумно, гибко.

Сантьяго стоял у столба, глядя на певца, как заворожённый. Его лицо, обычно жёсткое и непроницаемое, теперь было открытым. В нём была та самая тоска, которую он прятал за годами злобы и силы.

Туман подползал к его ногам, поднимался выше, обвивал его тело. Он был живым.

Песня начала затихать.

Последние ноты «Bésame Mucho» тянулись медленно, как прощание. Голос уходил вглубь, оставляя эхо, которое ещё висело в воздухе...

Сантьяго закрыл глаза.

Таверна исчезла.

Он стоял один. Посреди огромного океана. Вода до горизонта, чёрная, бесконечная. Небо тёмное, без звёзд. Только тишина. Только он и вода.

Он стоял на воде. Не тонул. Держался за столб — единственное, что связывало его с реальностью.

Вокруг никого. Только океан. Бесконечный, безмолвный.

И в этом одиночестве было странное чувство. С одной стороны — счастье. Свобода. Тишина. Музыка, которая всё ещё звучала внутри.

С другой — безумие. Одиночество, которое сжимало грудь. Понимание, что он совсем один в этом огромном мире.

Он медленно поднял руку и положил её на сердце. Под ладонью билось что-то живое. Настоящее. То, что не убила злоба. То, что осталось от мальчика, которым он был когда-то.

Он замер.

Музыка замолкла. Последняя нота ушла в тишину.

Таверна вернулась.

Певец на сцене открыл глаза, посмотрел на зал, тихо сказал:

— Спасибо.

Он встал, повесил гитару на плечо, направился к выходу. Никто не сказал ни слова. Дверь за ним скрипнула, он вышел в туман, который уже начинал рассеиваться, как и музыка, ворвавшаяся в души постояльцев.

И тогда из угла, откуда-то из тени, послышался одинокий голос — старческий, тихий, как будто человек говорил не для всех, а только для себя:

— Алехандро... спасибо тебе за это прекрасное...

Голос затих.

Никто не переспросил. Имя прозвучало один раз и растворилось в воздухе, как последняя нота песни.

Туристы сидели за стойкой и смотрели на дверь. Алекс повернулся к бармену.

— Кто это был? — спросил он.

Бармен, Альваро, молчал. Он смотрел на свою правую руку в чёрной перчатке.

— Не знаю, — сказал он. — Он приходит иногда. Не каждый год. Но когда он поёт — все замирают.

Алекс помолчал, потом спросил:

— Извините за не очень деликатный вопрос. На улице жарко, а у вас перчатка на правой руке. Почему?

Альваро медленно перевёл взгляд на свою руку. Пальцы в перчатке чуть дрогнули.

— Это очень личное, — сказал он. — Давайте поговорим о чём-нибудь другом.

Прошло время. Туристы заказали ещё мохито, говорили о музыке, о Кубе. Альваро постепенно расслабился, даже улыбнулся пару раз.

И когда вечер стал глубже, он поставил стакан, посмотрел на Алекса и сказал:

— Вы хотите знать, почему я не снимаю эту чёрную метку моего прошлого...

Алекс кивнул.

Альваро снял перчатку. Вместо кисти был старый, давно заживший шрам, но в его голубых и прекрасных глазах, как утренний океан, была трагическая история, которую не спрятать за перчаткой, за скалой в 144 метра, даже под глубиной всего океана...

— Это было много лет назад, — начал он. — Утро было ясным. Небо чистым. Океан спокойным, как зеркало. Мы с моим лучшим другом вышли в море рыбачить. Смеялись, когда отходили от берега. День обещал быть удачным.

Мы не знали, что на горизонте уже затаилось чудовище в виде урагана.

Он появился не сразу. Сначала ветер сменил направление. Потом небо на юге начало темнеть. Мы не придали значения. Но почему-то долгое время, разговаривая у кормы, мой друг держал мягко меня за правую руку...

Но стихия не прошла.

Через час ветер стал таким, что паруса надувались до предела. Волны начали расти. Небо стало чёрным за считанные минуты. Океан превратился в кипящую бездну. Мой друг — великий человек, мне лично и другим он много раз спасал жизнь, вытаскивая нас из-за борта при сильном шторме.

Это был девятибалльный шторм. Ураган, который срывает крыши с домов и вырывает пальмы с корнем.

Мы пытались развернуться. Слишком поздно. Волна ударила в борт, и наш корабль треснул, как скорлупа. Доски разлетались. Вода хлынула внутрь.

В этот момент мой друг оказался за бортом.

Я не думал. Я просто протянул руку и схватил его за запястье. Он повис над водой, а я держал его изо всех сил. И тогда я вспомнил это утро.

Я держал его больше получаса.

Каждую секунду я чувствовал, как его вес тянет меня вниз. Как моя рука немеет. Как пальцы разжимаются. Я сжимал их сильнее. Я говорил ему: «Держись! Я не отпущу!» Я ни за что не предаю нашу дружбу, я лучше погибну с тобой...

Я пытался подтянуть его. Он почти доставал до борта, но волна смывала его обратно. Мы боролись. «Брат мой, держись!» — закричал я ему. Мы оба чувствовали, как нас скоро смоем обоих с корабля. Впереди была гигантская волна, оставалось 7 секунд.

Он улыбнулся и мощным голосом, тем, который океан колит скалы, закричал: «Я люблю тебя, мой брат!!!!» И в ту же секунду он резко оттолкнулся ногами о борт корабля, тем самым разорвав хват, и, как акула, прогибая спину, прыгнул как можно выше над водой. Показав свою силу и мощь этой стихии.

Я потерял самого лучшего друга на земле, он мне был как брат. Но его взгляд и сила перед лицом смерти будут жить со мной, пока бьётся моё сердце.

Альваро замолчал. Он смотрел на пустую перчатку в своей левой руке.

— С тех пор я ношу её. Чтобы ничего не соскакивало у меня с руки. Чтобы помнить. Чтобы не забывать, кто спас мне жизнь...

Он надел перчатку обратно.

— Я никогда не захожу в воду с тех пор. В океан. Никогда.

— Вот и вся история.

Вторая часть.

Вовремя погасить огонь...

Он сидел в углу таверны.

Один. С бутылкой тёмного рома и стаканом, который он медленно поворачивал в пальцах, не сделав ни глотка.

Кто-то из присутствующих там представлял, что он думает о сражениях, которые он выиграл. Или о 13 сундуках золота, которые он спрятал в пещерах по Кубе глубиной 50 метров и длиной 45 километров. Или о красивых женщинах, отдавших ему своё сердце. Но нет! Он мечтал о покое, чтобы погасить пламя огня из злости и страха внутри себя.

Его одежда была дорогой, но без показной роскоши. Кожаные сапоги, тёмные, с тонкой шнуровкой, сидели на ногах идеально, как будто шились на заказ для человека, который привык много ходить и мало говорить. Широкополая шляпа, тёмно-коричневая, с аккуратным изгибом поля, была надвинута на глаза так, что в полумраке зала почти не было видно его лица. Только подбородок, жёсткая линия губ и лёгкая тень щетины.

Причёска — короткая, строгая. Белая рубашка, расстёгнутая на две пуговицы. Поверх — тёмный жилет, облегающий широкие плечи. Его руки, мощные, покрытые шрамами, лежали на столе неподвижно. Он не был похож на обычного моряка. Он был похож на человека, который не боится ни океана, ни смерти.

Он пил медленно, разглядывал зал. И ждал.

Когда дверь таверны распахнулась и внутрь ворвались трое незнакомцев, он даже не повернул головы. Только пальцы чуть сжали стакан.

Они появились шумно, с громкими голосами и тяжёлым смехом. Сразу потребовали рома, не разбавляя. Сели за центральный стол, грохнули по дереву кулаками. Игнасио поставил перед ними бутылку, ничего не сказав.

Незнакомцы пили, говорили о деньгах, о женщинах, о том, что скоро покинут этот остров. Их смех разносился по залу. Среди них был один — старше остальных, с грубым лицом и холодными глазами. Он заметил девушку, которая стояла у стойки. Маленькую, с лёгкой шляпкой. Он подошёл к ней, взял шляпку, покрутил в пальцах и ухмыльнулся:

— Ого, какая вещица. Куда это ты собралась в такой шляпке?

Девушка протянула руку, но он отступил на шаг, поднял шляпку над головой и засмеялся.

— Ну-ка, попробуй достань.

Его друзья захохотали.

Тогда Сантьяго встал.

Медленно, без спешки. Спина прямая, голова поднята, взгляд устремлён вперёд. Его походка была спокойной и уверенной. Он не торопился. Не суетился. Он просто шёл.

Ноги его, мощные, как стволы старых пальм, ступали по деревянному полу беззвучно. Руки, покрытые сетью шрамов, висели вдоль тела. Каждый шрам рассказывал историю: рыболовный крючок, осколок скалы, акулы зубы, нож врага. Они не прятали его — они делали его тем, кем он был...

Он остановился рядом с незнакомцем. Посмотрел ему в глаза. Сантьяго пронзил его взглядом, как гарпуном. Как будто заглянул в историю его жизни... Протянул руку, взял шляпку, которую тот всё ещё держал в пальцах. Медленно, без усилия. Повернулся к девушке:

— Держи. Она тебе идёт.

Незнакомец опешил на мгновение. Потом усмехнулся, но в усмешке уже не было уверенности.

— Ты, наверное, не знаешь меня, парень, — сказал он. — Лучше тебе со мной не связываться.

Сантьяго не ответил. Он просто стоял и смотрел. И в этом взгляде не было угрозы — была тишина.

Незнакомец замахнулся. Кулак летел прямо в голову Сантьяго. Удар был быстрым, тяжёлым, обещал сломать челюсть любому, кто не успеет увернуться.

Сантьяго не отшатнулся. Он просто сместился на полшага в сторону, пропуская удар, и в тот же миг его рука взметнулась и поймала кисть незнакомца, как пантера ловит добычу. Пальцы сомкнулись вокруг запястья, как стальные зубы...

Он стоял неподвижно. И начал сжимать.

Медленно. Специально медленно.

Все в таверне замерли. Все ждали драки. Ждали, что сейчас полетят стулья, посыплются стаканы. Но Сантьяго просто стоял на месте и сжимал его руку.

Из-под его пальцев начала выступать кровь. Тонкая, алая струйка потекла по запястью незнакомца и закапала на деревянный пол.

А потом раздался хруст. Сухой, отчётливый. Кость за костью, медленно, чтобы каждый в таверне слышал!

Незнакомец закричал. Он начал оседать, опускаясь на колени — сначала на одно, потом на второе. Он стоял на коленях перед Сантьяго, а его рука была неестественно вывернута.

— Слышите? — сказал Сантьяго, не повышая голоса. — Это звук того, что бывает, когда не умеют вовремя погасить огонь и остановиться. Я помогу ему погасить огонь в его сердце...

Он отпустил руку. Незнакомец упал на бок, прижимая к груди изувеченную кисть.

— Забирайте его, — сказал Сантьяго. — И больше не появляйтесь здесь.

Друзья подхватили его и вышли. На полу осталась лужица крови. Игнасио молча вытер её тряпкой.

Сантьяго повернулся к девушке. Снял шляпу, приподнял её в лёгком поклоне, вернул шляпку, извинился и проводил её до столика. А уходя от стойки, бросил на неё золотую монету.

— За доставленные неудобства.

Он сел на своё место, взял стакан с ромом, сделал глоток. Таверна понемногу возвращалась к жизни. Но каждый, кто был там, запомнил этот вечер.

Говорили, что через несколько лет после этой истории Сантьяго попал в плен.

Пираты — человек пятнадцать — схватили его на ближайшем острове. Они думали, что взяли обычного моряка. Они сильно ошиблись.

Три дня он сидел в камере без окон, с кувшином воды и куском хлеба. Он не просил пощады. Он ждал.

На четвёртую ночь, когда пираты были пьяны, он выломал дверь плечом. Голыми руками перебил большую часть из них. Остальных запер в трюме на тот же замок, который держал его.

Он нашёл лодку. Маленькую, с одним веслом. И начал грести.

Он грёб сутки. Через шторма, через тёмную воду, через усталость, которая сжимала мышцы, как тиски. Он не боялся попасть в шторм. Он сам был штормом.

На вторые сутки он увидел берег. Тот самый берег. Его любимый остров. Он вышел на песок, упал на колени и несколько минут просто лежал, глядя в небо. Потом встал, отряхнул песок, посмотрел на океан и улыбнулся.

Вот что это за человек. Вот что это за сила духа и мощь.

Когда в таверне кто-то спрашивал, как он выглядит, ему отвечали:

— Ты не захочешь увидеть его в бою. Ты захочешь увидеть его на своей стороне.

И все, кто слышал это, знали — это не байка. Это истинная правда.

Третья глава.

Мы сами растим свои крылья.

Рафаэль любил раннее утро.

Он просыпался, когда солнце только начинало золотить верхушки пальм, и бежал к океану. Босиком. По мокрому песку, который ещё хранил прохладу ночи. Воздух был свежим, солёным, влажным.

Первыми его встречали чайки. Они кружили над водой, кричали весело, пронзительно красиво. Их голоса звучали протяжно, как приветствие. Они специально поворачивали свои крылья к солнцу — и тогда белое оперение вспыхивало.

— Привет, мои красивые! — кричал им Рафаэль.

Чайки отвечали громче, радостнее. Они знали его.

Он шёл вдоль берега, и из джунглей выползали игуаны. Они выбирали самый тёплый камень, замирали на нём и поворачивали голову к солнцу.

Рафаэль садился на корточки.

— Привет, мои дорогие друзья, — говорил он тихо.

Игуаны смотрели на него, моргали и снова замирали.

Он шёл дальше. Ветки пальм расступались, и он видел обезьян. Одну он называл Хитрой, потому что она прятала фрукт за спиной. Другую — Малышкой.

— Привет, Хитрая! Привет, Малышка!

Обезьяны кивали, смотрели на него умными глазами.

Рафаэль был добрым мальчиком. Это ему передала мать. Она была мудрой женщиной. Работала с утра до вечера, но каждое утро находила время сказать ему:

— Запомни, Рафаэль. Настоящая сила — в добре человека. Не в мышцах. Не в деньгах. А в том, сколько раз ты помог всем живым существам.

Она гладила его по голове, поправляя воротник.

— Ты не самый сильный, сынок. Ты не самый быстрый. Но ты — самый добрый. И это сделает тебя сильнее всех.

Рафаэль слушал. Слова ложились ему в сердце, как семена в землю.
Тревога

Однажды утром что-то изменилось.

Чайки, которые кружили вдалеке, закричали иначе. Резко. Тревожно. Их голоса резали воздух, как ножи.

Рафаэль остановился. Прищурился. Он видел далеко, до самого горизонта. Там, в небольшой бухточке, которая после шторма заполнялась водой, что-то происходило.

Вода бурлила, пенилась. Океан стал тяжёлым, тревожным. Волны начали расти. Цвет воды изменился — появилась темнота, густая, глубокая, будто из недр поднималось что-то живое.

Ветер стал резче, суше. Пальмы наклонились в одну сторону, будто предупреждали.

Рафаэль ринулся к бухточке. Чайки над ним кричали всё громче, подгоняли.

— Я бегу! — крикнул он. — Я уже бегу!

Спасение

Он подбежал к заводу и увидел её.

Маленькая акула. Серая, с тёмными полосами. Она металась по мелкой воде, натыкалась на песок, билась. Шторм запер её здесь.

Рафаэль упал на колени и начал копать. Пальцы врезались в мокрый, тяжёлый песок. Он отбрасывал его в сторону, расширяя проход. Он должен был соединить завод с океаном.

Чайки кружили над ним и кричали: «Быстрее! Быстрее!»

И в этот момент подбежали мальчишки. Пятеро. С палками. Главарь — Сантьяго — остановился прямо над Рафаэлем.

— Ты что делаешь?! — крикнул он. — Это бессмысленно! Они сотнями гибнут по побережью! Ты ничего не изменишь!

Рафаэль не поднял головы. Он продолжал копать.

— Я спасу её, — сказал он. — Спасу её душу. И может быть, когда-нибудь кто-нибудь поможет мне.

Сантьяго замер на мгновение, потом сжал палку.

— Тебе никто никогда не поможет, — сказал он. — Здесь каждый сам за себя. Акулы — это зло. В них нет добра.

Он замахнулся. Удар пришёлся по спине. Рафаэль вздрогнул, но не остановился.

Второй удар — сильнее. Третий — по голове. Он чуть не упал лицом в воду, но удержался.

Он поднял голову к небу. Там кружили чайки и кричали.

Рафаэль собрал последние силы и сделал рывок. Он пробил оставшуюся стену песка. Вода хлынула в океан.

Маленький акулёнок рванул вперёд, проскользнул в свободу.

Рафаэль стоял на коленях, мокрый, избитый, в крови. Но он улыбался.

Он спас жизнь. Одну жизнь. И в этот момент он представил как два больших белых крыла похожих на крыльях чайки, расправляясь за его спиной. Сила океана и ветра наполняет их. В секунду страх и сомнения ушли. Он почувствовал мощь и силу природы... .

Явление матери

Вода в заводи начала меняться.

Сначала лёгкое движение. Потом бурление. Пузыри поднимались со дна, будто там про-сыпался вулкан.

Чайки взмыли вверх с паническими криками. Игуаны замерли, притворяясь мёртвыми. Обезьяны застыли как статуи.

На секунду всё затихло. Ветер стих. Вода перестала шуметь.

И в этой тишине она вырвалась из глубины как молния.

Огромная тигровая акула. Почти семь метров. Полторы тысячи килограммов. Её челюсти были сжаты, каждый зуб — как бритва.

Она взлетела над водой, чтобы увидеть. Увидеть того, кто спас её детёныша. Увидеть тех, кто хотел убить его.

Её глаза скользнули по берегу. По Рафаэлю. По мальчишкам с палками. По чайкам, игуанам, обезьянам.

Она запомнила каждого.

Запомнила мальчика, который стоял на коленях в крови, но улыбался. Запомнила тех, кто бил его.

Её тело рухнуло обратно в воду. Волна захлестнула берег, сбила мальчишек с ног.

А потом — тишина. Она ушла на дно. В темноту. В свой дом.

Сантьяго стоял неподвижно. Его палка выпала из рук. Он смотрел на воду, потом на Рафаэля — и медленно отступил назад. Развернулся и ушёл. Остальные — за ним.

Рафаэль остался стоять на коленях. Он смотрел в океан, который успокаивался.

Он знал: она запомнила. Она будет рядом. Где бы он ни был в океане — она будет следить за ним.

Потому что теперь они были связаны. Навсегда.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

МОТИВАЦИЯ ПО ПРОЗВИЩУ-БОЛЬШОЙ АКУЛИЙ ЗУБ... .

На следующее утро Рафаэль проснулся до рассвета.

Солнце ещё не взошло, но небо уже начинало светлеть над океаном. В доме было тихо. Мать ещё спала.

Рафаэль тихо встал, натянул старые шорты и вышел во двор.

Он не знал, зачем он это делает. Но после вчерашнего дня, после боли, после крови, после того, как он спас акулёнка и увидел мать, выпрыгивающую из воды, как молния, — он понял: он должен стать сильнее. Добро должно быть сильным...

Он начал бегать.

Сначала просто вокруг дома — по твёрдой земле, обходя кусты, пальмы, старый колодец. Потом быстрее. Ему было тяжело, дыхание сбивалось, ноги не слушались, но он продолжал.

Он бегал до тех пор, пока не начал задыхаться. Потом остановился, упёрся руками в колени, перевёл дыхание. И начал делать то, что видел у старших ребят в посёлке.

Отжиматься.

Он опустился на землю, упёрся ладонями в пыльную, утрамбованную землю и начал сгибать руки. Первые пять раз дались легко. Потом руки начали дрожать. Он сделал ещё три, потом ещё две. И остановился.

Он сел на землю, тяжело дыша.

Потом встал и начал приседать. Раз, два, три... ноги горели. Он не останавливался. Он делал всё, что знал, всё, что видел, всё, что мог придумать. Какая мотивация заставляла делать его всё это — стать чемпионом? Чтобы потом повесить медали у себя в комнате? Для того чтобы все говорили о нём? Его доброе, именно доброе сердце подсказало ему самую мощную мотивацию, которую не сломит ни ураган, ни шторм, ни страхи и сомнения. Его мотивация — помогать слабым, тем, кто нуждается в его помощи, — она поселилась в нём глубоко и надолго, как большой акулий зуб.

В это время мать проснулась.

Она подошла к окну, отодвинула лёгкую занавеску и увидела сына. Он бегал по двору, останавливался, отжимался, снова бегал. Он был весь мокрый от пота, но не останавливался.

Она улыбнулась. Радость за сына наполнила её сердце. Он вырастет, он хочет стать сильнее, он делает это сам.

Но где-то внутри, в глубине, закралась грусть. Она не знала, как помочь ему. Она могла дать ему добро, научить его быть честным, терпеливым, добрым. Но она не разбиралась в том, как делать тело сильным. Как наращивать мощь. Как тренироваться правильно.

Она стояла у окна, смотрела, как он бежит, и думала.

— Ему нужен кто-то, кто знает, — сказала она себе тихо. — Кто-то, кто научит его не только бегать, но и быть мужчиной.

Она не знала тогда, что этот кто-то уже заметил её сына.

Он бежал по двору, когда заметил его.

На старой пальме, что росла у самого забора, сидел попугай. Ярко-зелёный, с жёлтой грудкой и высоким хохолком, который то поднимался, то опускался, как антенна.

Попугай наклонил голову, посмотрел на Рафаэля одним глазом, потом другим. Потом сорвался с ветки и перелетел на крышу дома. Оттуда он снова уставился на мальчика.

— Что? — спросил Рафаэль, тяжело дыша. — Ты тоже хочешь тренироваться?

Попугай поднял свой хохолок так высоко, как только мог. Выпятил грудь и начал бегать по крыше — туда-сюда, короткими шажками, как будто повторял движения Рафаэля.

— Bravo! Bravo! — крикнул он на кубинском. — Вперёд! Вперёд!

Рафаэль засмеялся — впервые за последние два дня.

— Ну, давай, — сказал он. — Покажи, что умеешь!

Попугай взлетел с крыши, сделал круг над двором, приземлился на забор и снова начал бегать по нему, смешно перебирая лапками. Его хохолок всё ещё был поднят, как у маленького солдата.

Рафаэль побежал — и попугай перелетел на следующее дерево, словно соревнуясь с ним.

— Быстрее! Быстрее! — орал попугай, взлетая и приземляясь снова.

Мать, стоявшая у окна, улыбнулась. Даже в этой утренней суете, в этом желании стать сильнее, в этом беге и отжиманиях — был свет. Был смех. Время остановилось для них, этот момент абсолютного счастья со смехом и улыбками и называется счастливой жизнью, к которому стремятся многие заблудшие души людей через деньги, жестокость, обман.

Это был хороший день. Трудный, но хороший.

Мать целый день думала о сыне.

Она видела, как он бегал, отжимался, приседал до изнеможения. Она видела его желание стать сильнее. Но она понимала: одной воли недостаточно. Ему нужен был тот, кто знает, как превратить это желание в настоящую силу.

И тогда она вспомнила.

Феликс. Эль Касадор — Охотник.

Старый моряк, который давно отошёл от дел, но которого до сих пор помнили в каждом портовом посёлке. Он ходил в море больше пятидесяти лет. Был помощником капитана на торговом судне под названием «Тигровая акула». Потом на рыбацких шхунах. Он пережил десятки штормов, встречался лицом к лицу с акулами и даже, по слухам, однажды спас экипаж, когда корабль разваливался на части.

Он воспитал не одного отважного моряка. Многие из тех, кто сейчас водил судна у берегов Кубы, с гордостью называли себя его учениками.

Мать знала Феликса ещё с молодости. Он часто заходил в их деревню, когда его корабль стоял на ремонте. Они не были близкими друзьями, но он всегда был добр и уважителен к ней.

Она надела лёгкое платье, взяла корзинку с фруктами и пошла к его дому.

Дом Феликса стоял на окраине, почти у самой кромки джунглей. Он был старым, но ухоженным. Стены из грубого камня, крыша из пальмовых листьев. Перед входом висела сеть для рыбы, которую он уже много лет не использовал, но не выбрасывал.

Феликс сидел на веранде в старом кресле-качалке, смотрел на океан и курил трубку. А рядом стояло маленькое кресло, в котором, покачиваясь, сидела его любимая обезьяна Роза, держа палку во рту и важно, периодически доставая её, делая вид, что она курит. Задумчиво почёсывая себя через голову... Увидев её, он медленно поднялся.

— Каридад, — сказал он, и в голосе его послышалась тёплая улыбка. — Сколько лет. Что привело тебя ко мне?

Она подошла, поставила корзинку на перила.

— Феликс, — начала она. — Мне нужна твоя помощь.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Говори.

— Мой сын, Рафаэль. Он хочет стать сильным, но я не могу научить его тому, что должен знать мужчина. Я могу дать ему доброту. Но я не могу дать ему силу.

Она замолчала...

— Ты воспитал многих моряков. Ты знаешь, как сделать мальчика мужчиной. Я прошу тебя — помоги ему.

Феликс посмотрел на океан. Потом перевёл взгляд на неё.

— Ты одна его воспитываешь?

— Да, — ответила она. — С тех пор, как его отец ушёл.

Феликс молчал несколько секунд.

— Я помогу, — сказал он твёрдо. — Приведи его завтра на рассвете. К старой пальме, что у самого берега. Там, где начинается тренировочная тропа.

Она улыбнулась.

— Спасибо, Феликс.

Он кивнул.

— Не благодари. Я знаю, каково это — быть одному, — поглаживая по голове Розу, сказал он. А мальчик, который спас акулу и не сдался, когда его били, — он достоин того, чтобы стать сильным.

Он посмотрел на неё своими старыми, но острыми глазами.

— Завтра на рассвете. Пусть будет готов.

Через несколько дней Феликс пришёл к ним на ужин.

Мать накрыла стол — просто, но с душой. Рыба, жареные бананы, чёрный рис, свежий хлеб. Рафаэль сидел напротив старого моряка и не мог отвести взгляда от его рук. Они были большими, тёмными, покрытыми сетью шрамов и морщин. Каждая линия на них рассказывала историю длиною в карибское побережье...

Феликс говорил мало. Но когда говорил — слова были как старые монеты. Тяжёлые, настоящие.

Он спросил Рафаэля про то утро, про спасённую акулу, про мальчишек. Рафаэль отвечал просто, без хвастовства, как есть.

Феликс кивнул, выслушав его.

— Хорошо, — сказал он. — Ты не сдался. Это главное.

Ужин прошёл легко. Мать улыбалась, Рафаэль слушал, а Феликс иногда шутил про свою старую трубку и про попугаев, которые когда-то украли у него завтрак.

Когда он встал, чтобы уходить, он положил свою тяжёлую ладонь на плечо Рафаэля и наклонился к нему.

— Завтра, — сказал он. — В шесть часов утра. На рассвете. Я буду ждать тебя у белой скалы на берегу океана. Приходи готовым работать.

Рафаэль не мог вымолвить ни слова. Он только кивнул. Сердце его колотилось где-то у горла.

Феликс вышел в темноту. И огромная мощь и сила почувствовались после ухода за его спиной, быть может его доброе сердце привело его к этому?... Роза, обезьяна, прыгнула ему на плечо — она всегда ждала его у двери.

Рафаэль стоял на пороге и смотрел, как старик уходит по тропинке к океану, как его фигура растворяется в ночи.

Он был восхищён. Он был поражён. Этот человек — Феликс эль Касадор — был для него кем-то из другого мира. Мира силы, свободы, моря. Мира, в который он так хотел войти. Рафаэль не знал, что этот мир уже принял его. И входным билетом были ни деньги, наглость, хитрость, а доброе сердце.

Этой ночью он долго не мог уснуть. Он лежал на своей постели, смотрел в потолок и представлял, как будет бегать по песку, как будет лазить по скалам, как станет таким же сильным, как этот старый, седой охотник.

В его мыслях не было страха. Было только волнение и предвкушение.

Когда он наконец уснул, его сны были светлыми.

Ему снился океан. Снился рассвет. Снилось белая скала, на которой стоял Феликс и смотрел вдаль. А над ними кружили чайки и смеялись.

Это были самые лучшие сны в его жизни.

На следующее утро Рафаэль прибежал на побережье задолго до рассвета. Он не хотел опаздывать, но Феликс уже был там.

Он сидел на старом срубленном дереве, которое когда-то было могучей пальмой. Море уже не было штормовым, оно дышало ровно, спокойно, послушно. Феликс смотрел вдаль, на горизонт, где небо начинало светлеть, как будто он заряжается какой-то силой, неведомой никому. Рядом с ним, почти вросшая в песок, полускрытая тенью, грелась игуана. Ещё одна застыла на соседнем камне, притворяясь веткой. А на плече у старого моряка сидела обезьяна — та самая Роза, которая всегда была с ним.

Рафаэль подбежал, запыхавшийся, остановился и выпалил, глядя на Феликса с полным доверием и нетерпением:

— Феликс, а как я стану сильным? Вон нехороший мальчик — Сантьяго — ходит в спортзал в посёлке. У него там гантели, штанга, ему профессионалы подсказывают. А здесь, на берегу, что, песок? Как я здесь стану сильнее?

Феликс не ответил сразу. Он посмотрел на океан, потом на свои руки, потом на Рафаэля. Его глаза были спокойными, как море до шторма.

— А ты видел, как игуана бежит в спортзал? — спросил он.

— Нет, — ответил Рафаэль.

— А как пальма качает штангу?

Рафаэль засмеялся.

— Нет.

— А как ветер поднимает гантели?

— Нет, Феликс.

Старик улыбнулся и встал с дерева.

— Гантели дают силу мышцам, — сказал он. — Правильно. Но мышцы — это только половина. Сила — это когда твои ноги знают песок. Когда твои руки знают лианы. Когда твои глаза знают ветер. Когда ты можешь стоять на одной ноге на скале, а вокруг тебя бушует шторм, и ты не падаешь. Этому не научат в спортзале.

Он шагнул ближе к Рафаэлю и положил руку ему на плечо.

— Твой враг — не Сантьяго. Твой враг — слабость внутри тебя. Спортзал даёт форму. Природа даёт корни. Я научу тебя корням. И тогда никто тебя не сломает.

Рафаэль смотрел на него, и в груди его росло что-то тёплое, как утреннее солнце над океаном. Он ещё не понимал всего, но знал: Феликс сказал правду.

— А что мы будем делать? — спросил он.

Феликс улыбнулся и показал в сторону джунглей.

— Сначала бег по песку до скалы. Потом подтягивания на лианах. Потом прыжки с камня на камень. И в конце — плавание вдоль берега, чтобы волны стали тебе другом, а не врагом.

Он поднял палец.

— Готов?

— Готов! — крикнул Рафаэль.

Феликс кивнул.

— Тогда начинаем. Только запомни: здесь нет судей, нет секундомеров. Только ты, океан и твоё желание. Всё остальное — шум.

Они замечательно потренировались.

Феликс не любил болтать лишнего. Он просто взял Рафаэля за руку и повёл за собой, показать что-то интересное.

Они прошли вдоль берега, мимо пальм, мимо старых лодок, которые уже никто не чинил. Через несколько минут они подошли к рыбацкому кораблю. Он стоял на приколе, в нескольких метрах от воды, и был похож на огромного спящего зверя.

— Ну, — сказал Феликс, кивнув в сторону трапа. — Поднимайся.

Рафаэль поднялся на палубу. Она была старой, тёплой от солнца, с запахом дёгтя и соли.

Феликс подошёл к люку, наклонился и позвал:

— Диего! Спускайся!

Через минуту снизу слышались тяжёлые шаги. Из люка показалась голова, затем плечи, затем целая гора мышц.

Диего был огромным. Не просто высоким — он был мощным, как утёс. Под два метра ростом, плечи такие широкие, что казалось, они не пролезут в дверь. Его руки были как ветви старых дубов — переплетённые мышцы, твёрдые, коричневые от солнца, покрытые шрамами, которые не прятались, а украшали его. Кожа его была тёмной, как древесная кора. И весь он был выкован как камень — как будто годы, шторма и океан не смогли обтесать его, а только сделали крепче. Но самое главное в нём была его добрая широкая улыбка.

Он спустился на палубу, и палуба, казалось, слегка прогнулась под ним.

— Ты звал, Феликс? — спросил он. Голос у него был низкий, густой.

Феликс кивнул и показал на Рафаэля.

— Вот. Помощник. Будет бегать, плавать, таскать сети. Если выдержит.

Диего посмотрел на Рафаэля. Рафаэль смотрел на него снизу вверх и не верил своим глазам.

— Диего, ты ходил в спортивный зал? — спросил он.

Диего посмотрел на него. На его лице появилась добрая, мягкая улыбка, но глаза смотрели серьёзно, по-взрослому. Он выпрямился, и голос его зазвучал мужественно, твёрдо, как у человека, который знает цену каждому слову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.